

А.И. Богданов. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб., 1997, 414 с.

В Санкт-Петербурге уже началась активная подготовка к празднованию 300-летия города, которое будет отмечаться в 2003 г. Один из показателей ее – издание книги А.И. Богданова «Описание Санктпетербурга» под грифом «Триста лет Санкт-Петербургу».

Любопытна история этой книги. Она составлена «Императорской Академии наук при библиотеке помощником» А.И. Богдановым (1696–1766)¹. Известно, что оформление своего труда в виде иллюстрированной рукописной книги автор завершил в 1749–1751 гг. Затем она была набело переписана писцом-профессионалом, откорректирована и подписана ее создателем. Начиная с 1751 г. и вплоть до кончины А.И. Богданов собирал новые материалы, намереваясь продолжить свое творение. Все, что сделано им в этом плане, в настоящее время хранится в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (б. Государственная Публичная Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). В свое время об этой рукописи, как можно предполагать, было достаточно хорошо известно, так как с нее было снято несколько полных и частичных копий. Как считал сам автор, книга его написана «грубым слогом». Действительно, исследователи отмечают «непоследовательное смешение церковнославянского и русского языков, тяжелый строй фраз, обилие местоименных плеоназмов и тому подобное» (с. 9–10). Вполне вероятно, что это обстоятельство являло собой некоторое препятствие для публикации сочинения А.И. Богданова. Тем не менее современники, понимая подлинное значение его труда, периодически обращались к нему и в той или иной форме использовали рукопись. Так, в «Месяцослове на лето Рождества Христова 1778, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненное на знатнейшие места Российской империи», можно было прочитать статью «Краткое описание начала и приращения царствующего города Санктпетербурга, с начала по 1748 г. Выписка из Топографии архивариуса Андрея Богданова». По существу эта статья представляла собой конспективный обзор труда А.И. Богданова «Кратчайшее синопсическое описание Санктпетербурга», написанный вполне хорошим литературным русским языком того времени составителем «Месяцослова» С.Я. Разумовским. Важно отметить, что это совместное творение двух авторов явилось самым первым отечественным печатным описанием новой столицы Российской империи на русском языке.

Еще в 1776 г. было объявлено о выходе в недалеком будущем книги А.И. Богданова, но только в 1799 г. читатель увидел «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директор над новороссийскими училищами, Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете и Санктпетербургского Вольного экономического общества членом Васильем Рубан. Издание первое. В Санктпетербурге 1779 года». Эта книга издавалась по частичной копии с рукописи А.И. Богданова, со значительной переработкой авторского текста историком и литератором В.Г. Рубаном, который не только «улучшал» стиль сочинителя, но и дополнял его, добавив несколько написанных им самим (да еще с ошибками!) разделов, при этом опустив некоторые из использованного им оригинала. Поэтому правомерно, как предлагают исследователи, называть это издание для краткости «Богданов–Рубан».

Сотрудники Северо-Западной Библейской комиссии и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН провели громадную кропотливую исследовательскую работу по тщательному изучению «Описания Санктпетербурга» А.И. Богданова, в частности, выявив источники, которыми пользовался автор при составлении своего труда, примечания к «Описательной похвале Санктпетербургу» Г. Бужинского и др. В 1987 и 1989 гг. в печати появлялись фрагменты подлинного текста рукописи А.И. Богданова, были подробно изложены структура и ее литературная судьба. Рецензируемое издание бережно воспроизводит текст «...полностью, с сохранением всех его смысловых и всех принципиальных языковых особенностей. Авторы публикации в целях облегчения восприятия текста современным читателем устранили лишь непоследовательности в орфографии, встречающиеся в рукописи. Кроме того, устранены явные опiski, допущенные переписчиком» (с. 12, 13).

Материалы этой ценной книги представляют значительный интерес для ученых, изучающих проблемы как историко-этнографического развития Санкт-Петербурга, так и общей городской этнографии. Справедливо рассматривая возведение Санкт-Петербурга как одно из важнейших дел императора Петра Первого, А.И. Богданов стремился дать описание города в его историческом развитии начиная от первых лет его существования до середины XVIII в., дабы ясно представлены были «разность между прежним и

нынешним помянутого Града состоянием» и «коим образом оный и с кем происходил в толикое возвращение и цветущую славу» (с. 100). Автор понимал значение своего сочинения в широком контексте научных знаний: «Ибо хотя б генеральная история (или всего света), или империи какой и народов порознь не может исправно сочинена быть, пока не будет достовернаго и подробнаго в ней описания, сие есть, положение мест, народов, веры их, обхождения с другими, происхождения их и время населения (ежели можно), пространство их владения, знатных городов и их построения, и прочая к подробному описанию мест...» (с. 101). Поэтому автор считает необходимым при историческом описании здешних мест дать подробные сведения о них: «Понеже место сие, на котором построен Град сей, есть оная провинция Ингрия, или Ингермоландия, так проименованная, которая по нашим Российским Старым Летописцам именуемая была Ижерская земля, которая издревле Всероссийской Империи всегда принадлежащая...» (с. 104). «Древний жители сего места... назывались ижоряне, народ славенской и Веры Православной Греческаго Исповедания; жителство свое главное имел, как по всему видно, при Реке Ижоре и Славянке (потому что всегда, на из древнейших лет, на сем месте жители были древняго великаго славенскаго народа, от чего и река оная имя себе восприяла зватися Славянка)...» (с. 105). Таковы были взгляды автора середины XVIII в. на историю населения этого края², в котором Петр Великий «избрал удобнейший из всех прочих островов один небольшой островок... благоизволил на оном острову заложить Крепость во Имя Тезоименитаго своего ангела, Святаго Первоверховнаго Апостола Петра, мая в 16 день 1703-го года, которую и наименовал Санктпетербург, где и Резиденцию свою определить, то есть удостоить Царствующим Градом соизволил» (с. 107). Автор приводит необходимые сведения о положении места, качестве земли, климате, растительном и животном мире, о качестве вод и т.д. Несомненный интерес и повышенное внимание читателя вызовет описание островов, на которых начал строиться город. Первым автор называет островок Санктпетербургской Крепости, на котором построена была Крепость Святого Петра, ныне называемый Заячьим островом, с Петропавловским собором на нем. Значительное место отведено в книге описанию Санктпетербургского острова (ныне Петроградской стороны), который назван, по объяснению автора, так потому, что «оной с начала первой жителями здешними стал населяться; также с сего Острова в Санктпетербургскую Крепость имеется мост» (с. 115). А Васильевский остров «величеством пространный, красотою нарочитой, лежит промез устий Большой Невы и Малой Невки, при самом взморье, строением каменных полат довольно изнастроенный, а деревянным строением преизобилно населенный, и все оное строение, имеющееся в нем, преизрядной архитектуры» (с. 116).

О появлении наименования острова А.И. Богданов приводит следующую легенду. Для обороны от шведов, приславших к устью Невы свои военные корабли, на Стрелке Острова была поставлена бомбардирская рота, которая не должна была пропустить неприятельские суда, имевшие целью от взморья подняться по Неве. Батареей командовал Василий Дмитриевич Карчмин. И когда к нему Государь посылал распоряжения, то говорилось: «К Василью на Остров». Оттого остров и стал называться Васильевским. Правда, в 1727 г. по указу Петра Второго он был переименован в Преображенский, так как предполагалось разместить здесь Преображенский полк. Однако императрица Анна Ивановна вновь вернула ему наименование Васильевского.

В городе был также остров, на котором размещался Аптекарский Сад, в котором росли всякие лекарственные травы для аптек. Так как остров находился в ведении Главной аптеки, за ним закрепилось название Аптекарский.

Когда было завершено сооружение Санктпетербургской крепости, царь Петр, «дабы Новый сей Град не был тощ и настоящими жителями, тот час повелел монаршими своими указами выслать на житье наилучших, как из посадов всяких купецких людей, так и из крестьянства, а более из мастеровых разных художников, плотников, столяров, кузнецов и каменщиков, с женами и детьми» (с. 262). Поскольку в город прибывали на поселение люди со всех сторон земли русской, то, по пословице «что город, то норы, а что деревня, то обычай, они все еще продолжали придерживаться своих нравов и обычаев. Автор свидетельствует, что спустя 48 лет после своего основания новый город Санктпетербург «время от времени умножился довольно своими природными жителями, так что уже ныне видит сей Град своих сыны сынов природных» (с. 263). На Васильевском острове была возведена Французская Слобода, в которой проживали различные иностранные мастеровые люди, приехавшие на строительство города (с. 197, 208). На Санктпетербургской Стороне находилось Татарское урочище, где еще недавно стояли татарские юрты (с. 224). На Выборгской Стороне было определено место для Казачьей Слободы, «которая заселилась с самого первоначалия» (с. 220). В Матисовой Деревне в основном живут отставные солдаты, а еще совсем недавно здесь находилась чухонская деревенька (с. 222).

Таким образом, книга содержит обильный достоверный материал по этническому составу Санкт-Петербурга первой половины XVIII в., о вероисповедании и основных занятиях горожан, повседневной насыщенной жизни столицы.

Значительный интерес представляют сведения о развитии образования и науки в городе. Уже в 1719 г. Петр Великий начал подготовку к созданию Петербургской Академии наук, указ о которой он подписал 28 января 1724 г. И тогда сразу же «без всякаго замедления, из разных государств к сему учению преславные ученнейшие мужие, господа профессора выписаны были» (с. 162). В 1725 г. при Академии была открыта гимназия для обучения детей разных чинов, а также отдельно семинарии и различные школы. В 1714 г. была создана Императорская библиотека, в которой начали собирать историческую, философскую, математическую, юридическую, грамматическую и другую литературу на разных языках, включая китайский (с. 166). Читатель-этнограф с чувством особого удовлетворения прочитает раздел книги о «Куншткамере», которая «началась собираться с 1714-го года, а во Академию наук соединена 1724-го года, которая чрез тридцать три года в такую силу и величество всякими курioзными вещами приумножена, что против прочих государств, которые разве за двести лет обретающихся, с теми сравняться может, или б иные и превосходит величиством своим» (с. 167).

Хочется особо подчеркнуть недвусмысленную позицию автора по вопросу о времени создания Академии наук в России, которая имеет место и в нашей отечественной науке: А.И. Богданов повсюду последовательно упоминает как дату ее основания только 1724 г. Первоначально основные учреждения юной Академии наук Российской империи Библиотека и Куншткамера – размещались в Кикиных палатах, но уже в 1726 г. они были переведены на Васильевский остров, в Академические палаты (с. 207).

Давая монографическое описание молодой столицы накануне ее 50-летия в контексте времени, А.И. Богданов очень высоко оценивает ее строителя: «Ежели бы не был Петр, которой России собственно от Бога посланный, была бы она ничто иная, как и прежде, варвар, и скиф, и нелюдие, якоже ныне уже люди совершенный, и исполненный имеются» (с. 367).

Уверен, что каждый читатель, заинтересованный в познании истории своей страны независимо от специальности, с большой пользой ознакомится с этой своеобразной энциклопедией жизни Санкт-Петербурга первой половины XVIII в. Особый интерес, как мне хотелось показать, эта книга представит для любого этнографа, не ограничивающего пределы своего познания узкой темой.

Выход в свет рецензируемой работы дает приятный повод отметить, что успешное историко-этнографическое изучение Ленинграда – Санкт-Петербурга продолжается и в наши дни. Уже много лет в Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, ныне Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, проводятся конференции «Этнография Петербурга – Петрограда – Ленинграда», сотрудниками опубликован ряд значительных исследований по этой тематике¹.

Ответственные редакторы и авторы вступительной части – К.И. Логачев, В.С. Соболев. Подготовка текста к публикации осуществили К.И. Логачев, В.С. Соболев, Э.Н. Филиппова и Л.Н. Логачева. Составление историко-географического ключа принадлежит К.И. Логачеву, роль которого в издании этого ценнейшего труда хочется отметить особо. Константин Иванович Логачев, выпускник филологического факультета, автор большого числа научных работ. С 1990 г. он возглавлял Северо-Западную Библейскую комиссию как ее председатель, с 1992 г. состоял директором Библейского института Санкт-Петербургского государственного университета. Его интересовала история православия, он участник трех конференций «Православие на Дальнем Востоке», организуемых Санкт-Петербургским государственным университетом и Санкт-Петербургской Православной духовной академией. Много сил К.И. Логачев отдал подготовке к печати рецензируемого труда, но, к великой скорби, он не успел порадоваться его выходу: 30 июня 1997 г. его не стало на 59-м году жизни (родился он 3 мая 1939 г.). Издание книги А.И. Богданова «Описание Санктпетербурга. 1749–1751» как бы увенчивает его земные труды. И можно с уверенностью сказать, достойно увенчивает.

Примечания

¹ О А.И. Богданове подробнее см.: *Кобленц И.Н.* Андрей Иванович Богданов. 1692–1766 // Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958; *Петрова О.П.* Японский язык в России в первой половине XVIII в. (по архивным материалам) // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 163–177. Многие в биографии А.И. Богданова до сих пор остаются спорными, начиная от даты рождения. В 1730-е гг. он «наблюдал» за работой преподавателей японского языка японцев Созы (Козьмы Шульца, 1696–1736) и Гонзы (Дамиана Поморцева, 1717–1739), однако существуют разные точки зрения по вопросу о знании им

японского языка. Он составил комментарии и указатель к труду С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Т. I–II. СПб., 1755. А.И. Богданов, сын мастерового порохового дела, в 50–60-е гг. входил в окружение М.В. Ломоносова.

² О современном состоянии проблемы подробнее см.: Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия // Межвузовский сборник. Проблемы археологии и этнографии. Вып. 5. СПб., 1997.

³ Особо отмечу: Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982; Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – начало XX в. Статистический анализ. Л., 1984.

А.М. Решетов

© 1999 г., ЭО, № 1

Г. А. Леонтьева. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997. 192 с.

Современная историческая наука все большее внимание уделяет конкретным личностям, оставившим неизгладимый след в истории. Монографическое исследование Г.А. Леонтьевой посвящено человеку, с именем которого связано присоединение Камчатки к России, – якутскому казаку-землепроходцу Владимиру Владимировичу Атласову.

Биография В. Атласова, его деяния привлекали внимание многих российских историков, географов, писателей. Судьба этого отважного человека некогда заинтересовала А.С. Пушкина, который в своем конспекте книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» 36 параграфов посвятил Владимиру Атласову. О В. Атласове написаны десятки работ. Тем не менее до настоящего времени в жизнеописаниях землепроходца остается немало неясного и противоречивого.

Книга Г.А. Леонтьевой проливает свет на некоторые неясности в биографии В. Атласова. Автор убедительно обосновывает происхождение фамилии Атласова (Отласова), связывая ее с севернорусским названием особо обработанного холста, используемого для шитья непромокаемой одежды. Основываясь на документальных источниках, Г.А. Леонтьева поддерживает точку зрения историка Б.П. Полевого, утверждавшего, что многие исследователи ошибочно отождествляли Владимира Атласова и его отца Владимира Отласа. Автор уточняет факты биографии того и другого и оспаривает мнение Б.П. Полевого о внебрачном рождении В. Атласова некрещеной якуткой: если принять во внимание нормы законодательства, общественной и церковной морали XVII в., такое происхождение не позволило бы землепроходцу сделать столь головокружительную карьеру.

Сопоставление сроков зачисления на службу самого землепроходца и его сына, предполагаемого времени их женитьбы помогло Г.А. Леонтьевой вычислить дату рождения Владимира Атласова, а установление связей семьи Атласовых с соликамскими промышленниками Колупаевыми послужило основой доказательства того, что местом рождения Владимира Атласова является не Якутск, как было принято считать, а Соль Камская.

Автор подчеркивает, что деятельность В. Атласова на Камчатке во многом определялась познавательным интересом и служебным долгом, а не хищническим стремлением к обогащению. В ряде случаев его дальновидная и гибкая политика по отношению к аборигенам способствовала добровольному принятию ими российского подданства. Не акцентируя внимание на жестокостях, нередко сопутствовавших «приведению» В. Атласовым «в государев ясак» сибирских «иноземцев», автор преимущественно раскрывает героические стороны деятельности этого человека, много сделавшего во славу отечества.

Присоединение Камчатки к России Г.А. Леонтьева связывает с 23 июля, так как в этот день, 13 июля 1697 г. (по ст. ст.) Владимиром Атласовым и его товарищами на берегу р. Камчатка был установлен крест. Исследовательница впервые сопоставила этот факт с практикой европейских мореплавателей, символически утверждавших права своего отечества на вновь открытые ими земли водружением христианского креста. Обращение к церковному календарю позволило автору установить, что крест был поставлен за два